

Миг был занят проверкой всех узлов самолета.

Они уже вошли в воздушное пространство над Гималаями — «запретной зоной богов», как называют этот хребет на тибетском языке.

Термометр показывал минус двадцать градусов, и температура продолжала падать. Весь салон превратился в ледяной погреб, а самолет, продираясь сквозь облака, медленно набирал высоту.

— Какова текущая высота? — с беспокойством спросил Миг.

— Тридцать одна тысяча футов.

— Если поднимемся выше, боюсь, обледенеют пропеллеры. — Не успел он договорить, как раздалось два глухих удара: лопасти винтов начали покрываться коркой льда.

Однако внизу простирались высокогорные ущелья, а самолет находился в плотной облачности, так что снизиться было невозможно — оставалось только продолжать подъем.

— Я должен вывести самолет на вершину облачного слоя. Постарайся заставить систему обогрева работать. Иначе даже внутри кабины всё покроется инеем, — приказал Сун Шаоянь.

Внезапно из двигателя донеслось несколько резких хлопков: это означало, что обледенел карбюратор. В то же время автоматический радиокompас вышел из строя, и самолет оказался в состоянии полной слепоты.

Вэнь Хао стиснул зубы, открыл фонарь кабины и, высунувшись наружу, стал вручную разворачивать кольцевую антенну, чтобы она не замерзла. Раздался свист, и ледяная крошка, слетавшая с антенны, с силой ударила его по лицу, обжигая кожу, словно ножом.

К счастью, защитные очки и кожаный шлем спасли его от серьезных травм.

Самолет, словно улитка, дополз до высоты шести тысяч пятисот метров, и наконец сквозь облака пробился луч солнца.

Сун Шаоянь снова включил гидравлический насос, чтобы подать спирт для очистки, а Вэнь Хао и Миг принялись протирать стекла иллюминаторов. Снаружи было видно, что лед на двигателях и крыльях начал таять, и непосредственная опасность миновала.

Все трое наконец выдохнули.

— Какова общая продолжительность полета? — спросил Сун Шаоянь у Мига.

— Почти пять часов, мы пролетели семьсот пятьдесят миль. — Вэнь Хао вдруг воскликнул: — Плохо дело! Сигнал показывает, что в районе Черачи начался сильнейший ливень с ураганным ветром.

— Черт! — не сдержался Миг. — Те ребята на земле что, объелись? Почему сообщают только сейчас?

Из-за технической отсталости того времени дальние перелеты опирались на азбуку Морзе, передаваемую радиоволнами. Скорость расшифровки Вэнь Хао была поразительной, но даже этого временного разрыва хватило, чтобы они едва не угодили прямиком в зону грозового фронта.

— Похоже, для будущих полетов, помимо навигационных станций и аэропортов, крайне необходимы метеостанции, — вздохнул Сун Шаоянь.

Вскоре они вошли в зону дождя.

На огромной высоте, где сталкивались восходящие и нисходящие потоки, машину начало нещадно трясти. При встречном ветре в сто пятьдесят километров в час их самолет был подобен свече на сквозняке. Струи дождя хлестали по фюзеляжу, как плети, издавая пугающий гул, а в кабине слышались лишь надрывный вой мотора и рев ветра.

— Сун, ты отклонился от курса! — крикнул Миг, глядя на показания кольцевой антенны.

Сун Шаоянь отрезал:

— В такой шторм радионавигация неточна!

— Но это лучше, чем лететь вслепую!

Сун Шаоянь плотно сжал губы и замолчал. Не от неуверенности, а потому, что ситуация требовала предельной концентрации.

Вэнь Хао поддержал его из глубины кабины:

— Я доверяю опыту Суна.

На войне важнейшим правилом является закон часов: как бы опасно ни было, нельзя подвергать сомнению действия лидера. Миг, разумеется, понимал это, поэтому замолчал и перестал спорить.

Самолет продолжал бороться со штормом.

Неизвестно, сколько прошло времени, но вдруг Миг радостно закричал:

— Дум-Думо! Впереди радиомаяк Дум-Думо!

И действительно, сквозь яростный ливень отчетливо пробивался сигнал маяка.

Аэропорт Тинцзян уже маячил вдали.

Они действительно справились! Успешно преодолели «зону смерти»! Это был не просто успешный перелет — он означал продолжение линии жизни для китайского Сопротивления, как же тут не радоваться?

В отличие от Мига, не скрывавшего восторга, Сун Шаоянь был гораздо спокойнее. Он лишь тихо протянул руку назад и сжал ладонь Вэнь Хао.

В тот вечер они отдыхали в аэропорту Тинцзян. Ливень наконец прекратился, но тучи еще не рассеялись.

Вэнь Хао бесцельно подошел к окну, желая посмотреть на ночной вид этого незнакомого места, но разочаровался: здесь не было горного Чунцина, и с низкой точки обзора ничего не было видно. Однако, прислушавшись, можно было услышать, как мягкий ночной ветер дышит в кронах деревьев, и доносящуюся от соседей западную музыку. Вэнь Хао уже слышал ее — это была «Лили Марлен», ставшая популярной в исполнении немецкой кинозвезды Марлен Дитрих, когда та выступала на фронте перед американскими солдатами.

Эти американцы... все они были без ума от пышнотелой блондинки... Интересно, что чувствует Сун Шаоянь, глядя на таких красавиц? Впрочем, он, скорее всего, больше интересуется такими привлекательными мужчинами, как Мэй Чэншан.

— Улыбаешься так довольным, не обо мне ли думаешь? — пара рук внезапно обняла его за талию. Идти могло только от Сун Шаояня, который только что принял душ.

Только тогда Вэнь Хао понял, что сам не заметил, как начал улыбаться.

— Да, о тебе, — честно признался он, хотя мысли были немного о другом.

— Вот бы и обратный путь прошел так же гладко, без происшествий.

— Боюсь, будет сложнее. Как только загрузим припасы, мы уже не сможем лететь так высоко.

— Ничего страшного. Пока мы не встретимся с японцами, у меня есть уверенность, что, опираясь на собранные данные, я смогу долететь до Китая. Тебе тоже нужно верить в своего мужа.

— Мужа? — на лбу Вэнь Хао вздулась вена.

— Учитывая, как я сегодня устал, может, не будем придирааться к словам? — елейно ответил Сун Шаоянь, успешно заставив его замолчать.

Сун Шаоянь положил голову ему на плечо, и они вместе молча смотрели в пустынную тьму за окном.

Дыхание их постепенно выровнялось, становясь общим. Немного взаимопонимания, немного печали, но куда больше — радости. Вэнь Хао вдруг понял самую простую истину: сколько бы боли и несчастий ни было в этом мире, хорошо, что у них есть любовь.

Два дня спустя небо над аэропортом Тинцзян снова стало чистым. Сун Шаоянь и его двое спутников поднялись на борт самолета, груженного двумя тоннами товара, и отправились в обратный путь.

Имея за плечами опыт позавчерашнего дня, они, несмотря на возникавшие трудности, благополучно преодолели самый сложный участок.

Главное, они собрали массу достоверных данных для будущих полетов по «Горбатой» трассе.

— Мы уже на территории Юньнани, — не скрывая восторга, сказал Сун Шаоянь.

Спустя два часа опасного полета под ними забурилась река Нуцзян, прорезающая горы Хэндуань. При мысли о том, что скоро они ступят на родную землю, все трое невольно расслабились.

Однако вскоре Сун Шаоянь нахмурился.

— Миг, мне кажется, что-то не так.

— Что не так?

— Не могу сказать. Интуиция. — Если пилот говорит такое, это нельзя игнорировать. Зачастую именно такое необъяснимое «шестое чувство» спасает людям жизнь.

Миг ничего не ответил, а начал осматривать горизонт и вскоре вскрикнул:

— Сун, сзади японские самолеты!

— Модель? Количество?

Миг достал бинокль.

— «Зеро»... Две штуки, — его голос был полон отчаяния.

Они летели на транспортнике, у которого не было никакой защиты!

Вэнь Хао посмотрел назад: действительно, две черные точки становились всё отчетливее.

Самолеты приближались, но в этот момент один из них внезапно замер в воздухе, а затем с грохотом взорвался!

Никто не ожидал, что давнее предсказание Сун Шаояня исполнится сегодня.

Второй японский самолет, похоже, был ошеломлен случившимся и притормозил, но вскоре пришел в себя и, подобно обезумевшему от крови зверю, с ревом бросился на беззащитный С-47.

Сун Шаоянь, не колеблясь, заставил неуклюжий транспортник резко развернуться и, выжав полную мощность, устремился на юг.

— Сун, что ты делаешь? Впереди самый опасный участок гор Хэндуань! — вскрикнул Миг.

— Я ставлю на то, что он не знает этого ландшафта! — ответил Сун Шаоянь. В этот момент «Зеро» почти настиг их. С лязгом открыв огонь, истребитель изрыгнул поток пуль, и по двадцатиметровому фюзеляжу С-47 прошла очередь пробоин.

К счастью, для увеличения грузоподъемности днище было усилено стальной пластиной, поэтому повреждения оказались не смертельными.

Впереди показались две пики, уходящие в облака. Набрать высоту, чтобы перелететь вершины, было невозможно. Сун Шаоянь резко дернул штурвал, заставив машину совершить боковое скольжение, и под углом девяносто градусов едва протиснулся в узкое ущелье. Затем — резкий вираж и вертикальный взрыв вверх...

Для тяжелого транспортника это был немыслимый маневр, но маневренный истребитель легко

повторил его. «Зеро» без колебаний бросился в погоню, легко пролетая между скалами.

«Бака, решил поиграть со мной в догонялки в горах? Сам лезешь в могилу!» — японский пилот издал торжествующий злобный смех. Он не выпускал цель из прицела, готовясь открыть ураганный огонь...

Но его торжество длилось недолго. Прямо перед ним, словно колонна, подпирающая небо, возникла еще одна отвесная скала. Он не успел совершить ни единого маневра и врезался прямо в склон. Раздался оглушительный взрыв, и обломки «Зеро» рухнули в бездонную, затянутую туманом пропасть.

— Он врезался в гору! — Миг радостно взмахнул руками.

Их собственный самолет пролетел на опаснейшем расстоянии от пика.

Сун Шаоянь, однако, горько усмехнулся:

— Думаю, нам пора готовиться к аварийной посадке.

Из хвоста С-47 валил черный дым — они всё же задели верхушку скалы.

Сун Шаоянь попытался выровнять курс на сто шесть градусов, но безуспешно: хвостовой руль был поврежден, и все усилия оказались тщетными.

Внизу — сплошные горы и реки, никакой площадки для посадки.

Самолет начал сваливаться в штопор.

— Всем приготовиться к прыжку с парашютом, — Сун Шаоянь с трудом приподнял нос машины, заставив ее скользить в медленном вращении. Его цель — перетянуть через Нуцзян, чтобы не прыгать над вражеской территорией.

Согласно разведданным из Индии, западный берег Нуцзяна два дня назад перешел в руки врага, поэтому им нужно было любой ценой избежать приземления на западе.

— Вэнь Хао... — Сун Шаоянь, надев парашют, с беспокойством посмотрел на него.

— Ничего не говори, — Вэнь Хао ответил ему улыбкой, в которой было больше слов, чем можно выразить.

Сун Шаоянь кивнул, с силой распахнул люк, и в кабину ворвался яростный поток ветра.

— Прыгай! — проревел он изо всех сил.

Трое один за другим выпрыгнули из самолета. Потерявший управление С-47, вращаясь, рухнул на землю.

Вэнь Хао раскрыл парашют в воздухе, но из-за сильного ветра и неопытности не смог управлять траекторией. В конце концов его отнесло в лес, где зацепило за ветви гигантского дерева, оставив висеть в нескольких метрах над землей.

Стиснув зубы, он вытащил нож, перерезал стропы и рухнул на землю.

В момент приземления правую лодыжку пронзила острая боль. Он ощупал ногу: плохо дело, похоже на перелом.

Где он? Вэнь Хао поднял голову, но видел лишь плотное сплетение веток и листьев, закрывавших небо. Единственное, что он мог сделать — это, опираясь на ствол дерева, встать и с трудом определить стороны света.

К счастью, их занесло в глухой лес, и непосредственной опасности наткнуться на японцев не было. Люди их положения в случае поимки обязаны были оставить последнюю пулю для себя, чтобы не подвергнуться пыткам.

— Вэнь Хао... Вэнь Хао... — послышался смутный зов.

— Эй... Сун Шаоянь? Где ты? — он с трудом волочил ногу, продираясь сквозь заросли кустарника на голос.

То ли боги были к ним благосклонны, то ли удача, но вскоре он увидел бегущего к нему Сун Шаояня.

Они крепко обнялись.

— Хорошо, что ты цел, — Сун Шаоянь страстно поцеловал его в губы.

— А Миг?

— Тому парню повезло, он приземлился на том берегу. Так даже лучше — по крайней мере, данные, которые мы собрали, не пропадут, — сказал он нарочито безразлично.

Вэнь Хао вдруг осенило:

— Ты... ты увидел, что меня несет сюда, и поэтому тоже прыгнул на западный берег, да? Ты знал, что здесь опасно!

— По сравнению с опасностью, ты гораздо важнее.

— Прости, я стал для тебя обузой, — виновато сказал Вэнь Хао. Он впервые пожалел, что проявил упрямство, вызвавшись быть радистом.

Сун Шаоянь сердито ответил:

— Скажи еще хоть слово, и я тебя поцелую!

Странная угроза. Вэнь Хао глубоко вздохнул и промолчал.

В конце концов, они оба были такими дураками.

— Хватит об этом. Главное сейчас — выбраться из леса, — Сун Шаоянь достал компас. — Думаю, мы недалеко от Нуцзяна. Пойдем на юг.

— Хорошо, — ответил Вэнь Хао, но остался стоять на месте.

Сун Шаоянь наконец заметил неладное.

— Почему сразу не сказал! — он одновременно злился и переживал. Он заставил Вэнь Хао сесть и снял ботинок, чтобы осмотреть ногу.

Нижняя часть голени безжизненно свисала.

Глядя на его ногу, всегда невозмутимый Сун Шаоянь на мгновение оцепенел.

— Найди пару веток для шины, забинтуй, и я смогу идти, — утешил его Вэнь Хао. — Что это за рана? В свое время под Тайэрчжуаном мне распороли живот, и ничего — перетянул ремнем и пошел дальше.

Сун Шаоянь в суматохе достал из аптечки бинт, но тот словно издевался над ним — он никак не мог завязать простой узел.

Видно, когда человек не вовлечен — спокоен, а когда волнуется — теряет голову.

Закончив перевязку, они снова двинулись в путь. Вэнь Хао потел от боли, но не проронил ни

звука.

Сун Шаоянь поддерживал его:

— Нам нужно перебраться через реку, — иначе в любой момент можно наткнуться на японцев.

— Насколько я знаю, на Нуцзяне только один мост, в Ламыне, и мы должны скоро туда идти.
— Он посмотрел на ногу Вэнь Хао. — Даже если медленно, проблем быть не должно. — Он принял на себя половину веса Вэнь Хао.

Бурная река Нуцзян делила горы Гаолигун на две части. Здесь, в глубоких ущельях, она разительно отличалась от величественной, но мягкой реки Янцзы. По белой пене, несущейся по реке, было ясно, что никаких лодок здесь нет.

— Чтобы покорить Китай с юго-запада, японцам нужно преодолеть Нуцзян, — глядя на бурный поток между крутыми скалами, заметил Сун Шаоянь.

Как говорится, «страна разрушена, но горы и реки остались». Эти горные хребты и бурные потоки стали естественной преградой, которая не давала Японии продвигаться дальше на восток. После нескольких неудачных попыток форсировать реку, они и китайская армия застыли в противостоянии по обе стороны Нуцзяна.

Вэнь Хао кивнул:

— В любом случае, надо раздобыть у местных одежду. — Вскоре они выбрались из леса и под лучами заходящего солнца вышли к городку Ламын. Стоило выйти из него и пройти еще пару сотен метров, как показался стальной мост Хэйтун. Сейчас, в условиях накаленной до предела обстановки, этот обычный мост стал стратегически важным ключом к безопасности.

В Ламыне царило запустение. На въезде висело объявление японцев: «Японо-китайская дружба, процветание для всех» и прочая чушь. Вдоль улиц стояли бамбуковые хижины и кирпичные дома, но в девяти из десяти не было ни души.

Вэнь Хао с товарищем пришлось взломать один из домов и переодеться в найденную там хлопковую одежду.

— Шаоянь, мне кажется, с этим городком что-то не так, — Вэнь Хао, переодевшись, снял кольцо и, с сожалением глядя на него, надел на шнурок и повесил на шею.

— Ты имеешь в виду, что городок слишком мертвый? — Сун Шаоянь пристегнул к поясу свой американский пистолет.

— Да. Даже если жителей перебили или они разбежались, где же японские солдаты? Они не могли не оставить здесь гарнизон.

Сун Шаоянь тоже не знал ответа. Он похлопал Вэнь Хао по плечу:

— Будем действовать по ситуации.

За Ламыном открылись поля и сады, через которые проходила дорога, пригодная для автомобилей. Странно, но в полях не было никого, на дороге — тоже. Неизвестно почему, но в кажущемся спокойствии чувствовалось что-то тревожное.

Пятьсот метров, четыреста, триста... Наконец они услышали знакомый рев реки Нуцзян.

Людей стало больше.

На дороге — женщины с корзинами, крестьяне с мотыгами на плечах, возницы с повозками... Беженцы из оккупированных районов выстроились в длинную очередь в ожидании перехода через мост.

На берегу виднелись японские казармы и укрепления. Вэнь Хао и Сун Шаоянь переглянулись: неужели поэтому в городке не было солдат? Это противоречило логике. Чувство тревоги не утихало, а становилось только сильнее.

Очередь двигалась медленно. Оказалось, китайские войска на той стороне моста установили контрольно-пропускной пункт и заложили взрывчатку под мост Хэйтун. В крайнем случае, чтобы удержать линию обороны Нуцзяна, они были готовы его взорвать.

Последние два дня японцы, столкнувшись с естественной преградой, которую называли «небесной траншеей», временно бездействовали, выискивая другие пути.

Вэнь Хао и Сун Шаоянь встали в конец очереди, но, глядя на бледнеющее лицо Вэнь Хао, Сун Шаоянь занервничал и, не привлекая внимания, помог ему продвинуться вперед.

— Шаоянь, ты...

<http://bllate.org/book/21143/2144175>